

УДК 327

Абрамов Сергей Михайлович

канд. пед. наук, доцент кафедры «Управление персоналом», ФГОУ ВПО «Уральский государственный горный университет»
(г. Екатеринбург)

Abramov Sergey Mikhailovich

Candidate of Education, Associate Professor,
the Urals Mining University (Ekaterinburg)

**КЭМП-ДЭВИДСКИЙ МИРНЫЙ
ДОГОВОР КАК ОСТАНОВКА
МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ**

**THE CAMP DAVID ACCORDS
AS A CROSSROAD
BETWEEN WAR AND PEACE**

Аннотация

В статье речь идет об особенностях управления международными и региональными конфликтами и роли дипломатии в этом процессе. Отмечается, что Кэмп-Дэвидский договор может рассматриваться как фактор прорыва дипломатической блокады и, одновременно, как инструмент управления арабо-израильским конфликтом. В работе отмечается, что в условиях глобализации современного мира дипломатия, как основной ресурс внешней политики государств, не имеет эффективных способов замещения.

Ключевые слова: международные конфликты; региональные конфликты; Ближний Восток; арабо-израильский конфликт; дипломатия; Кэмп-Дэвидский договор.

Abstract

The article describes international and regional conflicts, the specifics of their management and the role of diplomacy in these processes. At the same time the author considers The Camp David Accords both as a way to break the diplomatic logjam and as a tool to manage Arab-Israeli conflict. The article states that diplomacy as a main resource in foreign policy has no alternatives in a globalized world.

Key words: international conflicts; regional conflicts; Middle East; Arab-Israeli conflict; diplomacy; the Camp David Accords.

*...Мир зависит не только от договоров и заверений.
В основном он зависит от создания таких условий,
которые хоть и не меняют человеческую природу, но, по крайней мере,
направляют поведение по отношению друг к другу в сторону миролюбия...
Жан Моннэ,
«отец-основатель» теоретической конструкции единой Европы*

Проблема управления международными конфликтами, которые тянутся десятилетиями, актуальна не только для того или иного региона (в данном случае Ближневосточного), но и для мира в целом. Управлять международным конфликтом, а тем более таким, как арабо-израильский конфликт, всегда сложно, «... так как подобные явления, отражаясь в общественном мнении, носят сетевой характер, зависят от массы синергетических воздействий, мешающих их благополучному разрешению» [6. С. 161]. В то же время правильно организованное управление на основе здравого смысла и учета национальных интересов придает конфликтному процессу формы, обеспечивающие необходимую минимизацию неизбежных потерь – политических, экономических, нравственных и прочих.

Однако значительно чаще происходит возвращение конфликта в его латентную форму, «замораживание» конфликта, «откладывание» конфликта, что порождает «запущенность» кризисного состояния подавляющего большинства международных и региональных конфликтов. И как следствие, тенденция к снижению числа конфликтов и их интенсивности не просматривается даже в самой ближайшей

перспективе. Одна из причин такого состояния заключается в неспособности мировых лидеров выстроить необходимую систему безопасности и сотрудничества, которая бы отвечала современным требованиям глобального мира. Обращает на себя внимание и тот факт, что современное общество, в котором утрачена и отрицается идея роли и значения дипломатии в управлении международными конфликтами, неминуемо оказывается в ситуации кризиса, а следовательно, без мира. К тому же своеобразная рассогласованность между накопленным потенциалом дипломатии и его деструктивным использованием неизбежно ведет к увеличению числа конфликтов и международной напряженности. Поэтому дипломатия для безопасного развития общества сегодня нужна больше, чем когда-либо раньше.

Управление конфликтами, в том числе международными, многолико: в разных аспектах оно одновременно выступает как политический процесс (как процесс согласования и взаимодействия интересов политических субъектов) и как дипломатическая деятельность (не исключая «принудительной дипломатии»); оно, на первый взгляд, в условиях современного разбалансированного мирового порядка с его размытыми центрами влияния, дефицитом «коллективной» политической воли государств, политическими разногласиями, кажется, утратило способность останавливать войну и вооруженные конфликты. В результате в современном мире стали формироваться угрозы, которые подрывают основу международной стабильности, а следовательно, создают предпосылки для глобальной опасности. Ждать «сложившихся рук», пока противоборствующие стороны не исчерпают потенциал силовых «разборок», не только нецелесообразно, но, прежде всего, опасно. Естественно, в таких обстоятельствах для снижения конфликтности повышается ценность обобщения и анализа опыта (негативного и, особенно, позитивного) совместного переговорного сотрудничества Египта и Израиля (конец 70-х гг. XX века), который самым серьезным образом воздействовал на урегулирование конфликта. Безусловно, данный переговорный процесс был направлен на достижение мира на Ближнем Востоке, когда стороны предпочитали не воздерживаться от активного собственного включения в поиск решений. Поэтому, объективно обеспечивая собственную безопасность, они защищали и укрепляли безопасность других. Представляется, что опыт Кэмп-Дэвидского мирного соглашения, достигнутого между Египтом и Израилем, будет чрезвычайно интересен и злободневен и благодаря ему можно извлечь немалую пользу для обеспечения международной безопасности, на его основе можно выстроить коллективный диалог и доверие в международных отношениях. Поэтому сейчас важно и необходимо изучать внешнеполитический опыт предыдущих лет и извлекать из него уроки. Однако требуется отметить, что даже самый позитивный опыт, достигнутый дипломатией в предшествующее время, далеко не всегда можно механически перенести на решение современных международных конфликтов.

Отнюдь не претендуя на полноту изложения, попробуем реконструировать общий ход событий, связанных с подписанием Кэмп-Дэвидского договора, и оценить его практические результаты, направленные на то, чтобы придать арабо-израильскому конфликту управляемый характер.

Приведем характерный эпизод, который предшествовал переговорному процессу между Египтом и Израилем. Известный политический деятель Бутрос Бутрос Гали вспоминает: «Вечером в среду, 9 ноября, я сидел с коллегами в зале Народного собрания, ожидая появления Садата, который должен был произнести речь исключительной важности. Председатель Организации Освобождения Палестины Ясир Арафат сидел в первом ряду на месте почетного гостя. Он делал «салютам» (арабское приветствие) всем и каждому, поднимая над головой руки со скрещенными пальцами.

Во время своей речи президент Садат объявил: «Я готов поехать на край света, если это поможет защитить египетского юношу, солдата или офицера от участи быть убитым или раненым. Я заявляю, что абсолютно готов поехать на любой конец света. Я готов поехать в их страну и даже в кнессет, чтобы говорить с ними».

Арафат был первым, кто после этих слов разразился аплодисментами. Но ни Арафат, ни мои коллеги, ни я не поняли смысла того, что сказал президент. Большинство из нас восприняли его слова просто как метафору, показывающую его готовность предпринять все возможные усилия для достижения мира» [1. С. 28].

В самом Израиле его инициатива вызвала откровенный шок – настолько неожиданным и непредсказуемым было изменение внешнеполитического курса египетской администрации. С другой стороны, наивно было бы полагать, что в Израиле о намерениях Садата узнали в последнюю минуту. Таким серьезным заявлениям обычно предшествуют долгие тайные контакты обеих заинтересованных сторон. Как известно, предварительные контакты между сторонами осуществлялись через Румынию (Чаушеску считался другом Садата) и короля Марокко Хасана II, который и организовал встречу министра иностранных дел Израиля М. Даяна с вице-президентом Египта Фахми в сентябре 1977 года.

После этого глава израильского правительства Менахем Бегин неожиданно для всех официально по израильскому телевидению обратился по-английски к египетскому народу со словами: «Я почту за честь принять у нас президента народа, в жилах которого течет общая с нами кровь нашего отца – Авраама». В конце той же недели на официальном мероприятии, на глазах сотни журналистов и фотокорреспондентов, в гостинице «Хилтон» в Тель-Авиве он вновь повторил: «От имени правительства Израиля я официально приглашаю президента Египта нанести визит в Иерусалим». Так, примерно, выглядело официальное приглашение Садату посетить Израиль на фоне той разыгравшейся бури страстей, которые вспыхнули на сей раз уже в самом Израиле.

М. Бегин прекрасно понимал, насколько важна будет предстоящая встреча, на которой появлялся уникальный шанс изменить ситуацию и резко снизить градус напряженности вокруг проблемы арабо-израильского конфликта. Для Израиля и Египта это была возможность прорвать паутину взаимного отчуждения, которая на протяжении долгих десятилетий опутывала и сдерживала отношения двух государств. В выигрыше оказались бы обе стороны. Для Египта это была бы крупная дипломатическая победа, предотвращающая взаимное противостояние. Для Израиля – шанс избежать новой кровопролитной войны и избавить страну от синдрома «осажденной крепости». В противном случае Египет и Израиль оставались бы в состоянии перманентного противоборства. Поэтому в основе предстоящей встречи лежал *здоровый смысл* сторон на основе обоюдного выбора не «в пользу прошлого», а в «*пользу будущего*». В конечном итоге пересилило стремление изменить внешнеполитическую ситуацию в «свою пользу», сделать ситуацию предсказуемой. Надо отметить, что процесс выбора в пользу будущего нельзя было назвать эмоционально благостным, критический настрой зашкаливал. Арабский мир негодовал. В связи с этим академик Е. М. Примаков пишет: «В глазах арабского мира Садат оставался политиком-одиночкой, взявшим курс на подписание мирного договора с Израилем в рамках чисто египетско-израильских отношений» [7. С. 178].

Впрочем, были сомнения и в самом Израиле. Объясняется это тем, что не сам по себе предстоящий переговорный процесс вызвал такую бурную реакцию сторон, а, прежде всего, его возможные последствия и результаты. Всех страшил вопрос: сумеет ли внешняя политика удержать ситуацию в равновесии? Ну, а если нет, что тогда..? Предсказуемость – это то, чего все ждали. Нельзя не сказать, что неучтенным фактором, который не следует исключать из контекста ситуации,

продолжала оставаться чрезвычайная и принципиальная неуступчивость арабского мира.

В решении Бегина достичь мира с Египтом, безусловно, был политический расчет, рассматривать его отходом от некоей жесткой линии нецелесообразно: предстояло отдать Синай (он не являлся частью Эрец Исраэль), а это означало для Израиля потерять «значительную часть “стратегической глубины” на полуострове» [2. С. 342]. За этим стояло желание продемонстрировать готовность к миру (он все больше выступал в качестве «ускользающей сущности»), что, в конечном итоге, позволило бы укрепить союз с США, который именно при Бегине достиг своей верхней точки. Кроме того, мирный договор должен был вывести из противостояния сильнейшего противника, что позволяло потом закрепиться и твердо придерживаться установленных границ: не отдавать Иудею и Самарию – Западный берег р. Иордан и, главное, – не допустить создания Палестинского государства. Как отмечает Митчелл Бард, «в течение многих лет в Израиле пришли к консенсусу в вопросе о том, что создание Палестинского государства будет представлять собой серьезную угрозу израильской безопасности» [Там же. С. 345]. Проигрывалось, безусловно, множество ситуаций возможного и недопустимого. Ради соблюдения истины и объективности отметим, что решение Бегина – это все же некий предел, за который Израиль выйти был не готов. Для подтверждения приведем высказывание Е. М. Примакова, который отметил, что «разговор, подтверждающий отсутствие у Израиля намерений отступить от прежних позиций или просто смягчить их в связи с приездом Садата в Иерусалим, состоялся сразу же между ехавшими с аэродрома в одной машине М. Даяном и египетским государственным министром по иностранным делам Бутросом Гали». И далее говорится, что «Бутрос Гали передал свой разговор с Даяном Садату, так что тот с самого начала был в курсе пределов, которые поставила израильская сторона для переговоров с ним» [7. С. 177]. Таким образом, поведение Израиля на предстоящих переговорах необходимо принимать как рациональный выбор, в основе которого лежало чувство самосохранения еврейского народа. Именно оно заставляло опасаться слишком резкого внешнеполитического поворота, за которым уже никто не дал бы никаких гарантий независимого существования Израиля.

В целом оснований для взаимного компромисса практически было мало, но было желание одолеть противостояние и великое смятение в умах людей, умноженное на трагедию двух древних народов. Несовместимость позиций и разногласий в рамках на этот раз мирного решения вопросов еще только предстояло согласовать на предстоящей встрече сторон. Поэтому общая цель переговорного процесса, в который так и не удалось втянуть другие арабские страны, и прежде всего Сирию и Иорданию, заключалась в том, чтобы выстроить мост через пропасть арабо-израильского конфликта, сделав все возможное для подтверждения ожиданий эффективными действиями сторон.

Между тем великий перелом во внешней политике Египта стал возможен только после того, как Анвар Садат в одностороннем порядке за год до этого разорвал двусторонний Договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, выйдя из его сферы влияния. Однако, по-прежнему, и сегодня нет единого мнения о причинах данного события, как нет и единства в оценках произошедшего. Очевидно одно: Египту удалось вырваться из узкого коридора просоветской ориентации, из ее заданных идеологических пределов.

Заявление 9 ноября 1977 года, по замыслу Анвара Садата, должно было стать первым шагом к сближению США и Египта. «Намерение Садата действовать диктовалось стремлением стать, наряду с Израилем, привилегированным американским партнером на Ближнем Востоке. Сотрудничество с Соединенными Штатами

в деле достижения урегулирования должно было заложить основы “особых отношений” между двумя странами», – отмечает И. Д. Звягельская [5. С. 210].

19 ноября 1977 года весь мир, затаив дыхание, следил за прибытием Анвара Садата в Израиль. В 21.00 президентский самолет приземлился на взлетно-посадочную полосу международного аэропорта в Лоде. Президента Египта, как высокого официального гостя, встречали торжественно. Было трудно поверить в то, что в Израиль прибыл один из злейших его врагов, президент крупнейшего арабского государства, с которым Израиль находился в состоянии противоборства с первых лет своего существования. У взлетно-посадочной полосы его встречали президент Израиля Ицхак Навон, премьер-министр страны Менахем Бегин, министры, члены израильского Кнессета, главнокомандующий Армии обороны Израиля, а также другие известные общественные и политические деятели страны. По пути следования президентского кортежа улицы были заполнены тысячами простых израильтян. Поистине это было одно из величайших событий в истории израильско-египетских отношений.

Садат пробыл в Израиле всего три дня, и за это короткое время он смог покориť (но не изменить) израильское общество своим обаянием. Переговоры между сторонами проходили вязко, не столь гладко, как это могло показаться со стороны. 20 ноября 1977 года, выступая в израильском Кнессете, президент Египта, несмотря на прекрасную, возвышенную речь, занял очень жесткую и непримиримую позицию, смысл которой сводился к тому, что мирное соглашение может быть подписано лишь при одном условии – полном уходе Израиля с арабских оккупированных территорий и предоставлении палестинскому народу права на самоопределение. В этой ситуации Садат, как лидер арабского мира, не мог не выступать в защиту общеарабской позиции. Поэтому в выступлении Садата в израильском Кнессете «фактически не содержалось ничего нового» [5. С. 210].

Президент Египта проникновенно говорил: «Я пришел к вам сегодня для того, чтобы обновить жизнь и установить мир. Любая утраченная на войне жизнь воздвигает между нами стену. Все, что мы старались построить, было уничтожено в 1973 году. Мы вместе возвестим жаждущему мира человечеству, что Женевское мирное соглашение предусматривает следующее: прекращение оккупации занятых в 1967 году арабских земель, предоставление прав человека палестинскому населению, в том числе права на самоопределение, включающего право на создание собственного государства. Право всех стран региона жить в мире. В своих взаимоотношениях они должны исходить из реальных условий и руководствоваться принципами Хартии ООН, в особенности принципами неприменения силы и решения всех проблем мирными средствами.

Вы, рыдающая мать, вы, вдова, вы, потерявшие сына, брата или отца, вы все, жертвы войны, во весь голос, полной грудью, всем сердцем требуйте мира...» [3. С. 69].

Ответное выступление Бегина носило, скорее, формальный характер. Оно не содержало никаких конкретных предложений в ответ на инициативу президента Египта Садата, речь которого, как было сказано ранее, ничем не отличалась от позиции, ранее занимаемой арабскими странами. Поэтому и обстановка в зале была напряженной. Не случайно Бутрос Бутрос Гали скажет: «Израильтяне были явно разочарованы речью президента Садата, а египтяне шокированы ответом Бегина» [1]. Все это явно оставляло двойственное впечатление и порождало сложные чувства.

Только в последний день пребывания президента Египта глава израильского правительства заявил о готовности израильской стороны приступить к обсуждению вопроса о выводе израильских войск из Синая, передаче этой обширной территории Египту, а также обсудить палестинскую проблему. Сразу после посещения Анваром Садатом Израиля многие арабские страны немедленно разорвали с Египтом дипломатические отношения. Более того, штаб-квартира Лиги арабских

государств, которая до этого находилась в Египте, была переведена из Каира в Тунис, а сам Египет на какое-то время был выведен из Лиги арабских государств. Арабские соседи Египта негодовали. В результате Садат находился теперь под постоянными острыми атаками мусульманских фундаменталистов. На службах в мечетях каждую пятницу он подвергался осуждению. Все это мы должны приписать чрезвычайной неуступчивости арабского мира. Однако Садат остался последовательным в достижении ближневосточного урегулирования.

Дипломатические переговоры в Кэмп-Дэвиде шли трудно. Не раз возникала ситуация, которая могла завершиться срывом переговорного процесса. Здесь надо отдать должное американскому президенту Джимми Картеру, который сделал все, чтобы переговорный процесс продолжился и стороны нашли выход из тупика. Ему удалось найти дополнительный компромисс, который устраивал обе стороны, и прежде всего Садата. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что именно Дж. Картер подвел арабов к переговорам и, как следствие, к соглашению с израильтянами и присутствовал при их подписании, став самым произраильским президентом в истории США. Нравственные и эмоциональные факторы, связанные с судьбой еврейского народа, играли, очевидно, для самого Дж. Картера далеко не второстепенную роль. И. Д. Звягельская в связи с этим утверждает: «Намерение американского президента внести вклад в урегулирование ближневосточного конфликта диктовалось и его религиозностью. По мнению знавших его людей, Картер, как истинный христианин, считал важнейшим делом установление мира на Святой Земле» [5. С. 207].

В итоге, 17 сентября 1978 г. был подписан пакет соглашений, которые вошли в историю как Кэмп-Дэвидские соглашения.

Заключенные Кэмп-Дэвидские соглашения состояли из двух документов. Первый получил название «Рамки мира на Ближнем Востоке». Данное соглашение касалось палестинского вопроса и предусматривало предоставление ограниченного самоуправления палестинцам Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Однако в нем отсутствовало упоминание о необходимости признания прав палестинцев на самоопределение, в том числе ничего не было сказано об Организации Освобождения Палестины и о такой проблеме, как арабская часть Иерусалима. Так называемая «автономия» для палестинцев Западного берега и сектора Газа предполагала военный и политический контроль со стороны Израиля. Кроме того, было заявлено, что резолюции № 242 и № 338 СБ ООН станут основой для дальнейшего ближневосточного урегулирования. Общие положения, выработанные сторонами переговорного процесса, должны стать рамками мира для других арабских государств Ближневосточного региона.

Второе соглашение – «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» – затрагивало вопросы двустороннего урегулирования. В соответствии с ним Израиль соглашался на вывод своих войск и мирного населения с Синая в обмен на нормализацию отношений и мир. Синайский полуостров превращался в демилитаризованную зону.

В связи с вышеупомянутыми факторами всегда будут оговорки по поводу того, в какой степени подписанные соглашения отвечали интересам сторон. То, что возникло в результате переговорного процесса, не было просто заявлением о намерениях сторон, оно явилось достаточным основанием для того, чтобы воздействовать на состояние арабо-израильского конфликта. И это, безусловно, лучше, чем совсем ничего. В этом случае отвергать полезность Кэмп-Дэвидских соглашений представляется нецелесообразным. Кэмп-Дэвидские соглашения можно рассматривать как пример ограниченной рациональности, которая означала, что внешнеполитический процесс двух стран лежал в пределах или даже в границах допустимой рациональности. Принятые решения в ходе встречи являлись не

столько рациональными, сколько наиболее приемлемыми для сторон. Следовательно, Египет и Израиль, для того чтобы снять остроту взаимных противоречий в ходе переговорного процесса, больше руководствовались приемлемым удовлетворительным результатом, а не наилучшим решением. Стратегия соглашений, в конечном счете, себя оправдывала с точки зрения мирного урегулирования вопросов.

Однако процесс заключения мирного договора Израиля с Египтом потребовал усилий и времени. Не раз еще в 1978 году переговорный процесс с Египтом заходил в тупик. В итоге события развивались неровно.

Египетско-израильский договор о мире был подписан обеими сторонами 26 марта 1979 года перед Белым домом в Вашингтоне при посредничестве Дж. Картера.

Казалось бы, долгожданный мир всех объединил. Но все это было очень далеко от истины, так как состояние войны с большинством арабских государств сохранялось. Поэтому договор Израиля с Египтом, оказавшимся в политической изоляции, не превратился в генеральную репетицию соглашения с арабским миром. За мирным договором с Египтом не последовали соглашения с другими арабскими государствами. Но, так или иначе, Кэмп-Дэвидский мирный договор превратился в первый опыт прорыва арабской блокады, в так называемый фактор *мирного сожительства* (или сосуществования) с арабским миром (с точки зрения Израиля). Безусловно, договор имел далеко идущие последствия, ибо он выиграл в конкуренции с силовой альтернативой противостояния и стал той внешнеполитической моделью отношений, которая позволяла разрядить напряженность Ближневосточного пространства.

Израиль надеялся, что этот договор, в конце концов, приведет к разрешению конфликтов в регионе и станет началом новой эры на Ближнем Востоке: «...И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2, 4).

Тем временем «единодушно негативная реакция в арабском мире на подписание и последующую ратификацию договора продемонстрировала, что мир на Ближнем Востоке не может быть лишь делом Египта и Израиля, даже если за ними стоят США, что он отнюдь не приближает достижение всеобщего ближневосточного урегулирования. Бывший заместитель госсекретаря Дж. Болл указывал в этой связи: “Кэмп-Дэвидские соглашения и колоссальные политические и экономические усилия, потребовавшиеся для того, чтобы превратить их в договор, не только не способствовали общему урегулированию, но даже сделали решение главных существенных проблем более трудным, чем когда-либо, и в то же время еще более срочно необходимым”» [8. С. 264].

Кэмп-Дэвид оставил мало надежды, поскольку он был ориентирован на египетско-израильские взаимоотношения, а не на разрешение палестинской проблемы. В результате «урегулирование палестинского вопроса оказалось отложенным на десятилетия» [7. С. 180]. Сложившаяся ситуация означала крах всех ожиданий и отчаяние. Поэтому не случайно А. А. Громыко, выступая на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, так характеризовал египетско-израильский договор: «Сепаратная сделка между Египтом и Израилем ничего не решает. Это средство, призванное усыпить бдительность народов. Это путь к накоплению в еще больших масштабах горючего материала, способного вызвать на Ближнем Востоке новый взрыв» [8. С. 263]. Напротив, А. Ф. Добрынин, который занимал совершенно уникальное место в истории дипломатии, отметил следующее: «Египетско-израильский договор оказался прочным и принес удовлетворение обоим его участникам». И далее он говорит: «Надо прямо сказать, что у советского руководства тогда не было, по существу, самостоятельной политики по ближневосточному

урегулированию, или, точнее, позитивное влияние Москвы на это урегулирование было весьма ограничено...» [4. С. 445].

С другой стороны, пребывать в состоянии неопределенности, нерешительности и слабости тоже было недозволительно. При всех прочих условиях договор есть скорее благо, позволяющее избежать инерционности в отношениях Египта с Израилем. Думается, что в сложившихся условиях в конце 1970-х годов решения Кэмп-Дэвидского договора были единственно возможным компромиссом между двумя странами. Они могли быть лучшими или худшими для Израиля и Египта, но их принятие оказалось неизбежным, в ином случае, как было сказано, Ближний Восток ожидала большая война.

Строго говоря, альтернативы Кэмп-Дэвидскому договору в рамках тогдашнего арабо-израильского противостояния, отягощенного многочисленными страхами и предчувствием надвигающейся драмы, не было. История подтверждает, что тогда был бы упущен шанс повернуть вспять окаянное противоборство, война потребовала бы на этот раз гораздо больших жертв. Во всяком случае, для Израиля и Египта отсутствие договора стало бы худшим сценарием, так как взаимное противостояние продлевало время вражды и насилия. Вряд ли кто-то может оспорить значение Кэмп-Дэвидского договора, придававшего арабо-израильскому конфликту управляемый и предсказуемый характер. Именно в этом его истинное историческое значение, так как стороны конфликта больше приобрели, чем потеряли. Он знаменовал собой тотальный поворот во внешней политике Израиля и Египта, несмотря на то что с подписанием Кэмп-Дэвидского договора разделительных линий на пространстве Ближнего Востока не убавилось.

Между тем отношения Израиля с остальным арабским миром оставались неизменно стабильно-холодными, порой переходя в горячую фазу. Противоречия являлись *непреодолимыми*, так как в их основе лежали сталкивающиеся национальные и территориальные притязания, которые работали на «несовместимость» позиций сторон, на желание жить и действовать в соответствии со своей логикой понимания исторического процесса. К ним добавлялся элемент религиозный, освящающий войну против тех, кто пытался завладеть святой для ислама землей. Этническая окраска конфликта углубляла и усложняла возникающие противоречия, придавала ему дополнительный эмоциональный фон. Преобладание эмоциональной составляющей делало общественное мнение более доступным для психологического давления, когда здравый смысл ситуативно снижается и индивид чувствует и поведенчески реагирует на происходящее, «как все».

В этой ситуации другой мир по-прежнему концептуально рассматривался как изначально чуждый, враждебный. Бинарная позиция «свой-чужой» воспринималась как нечто опасное и враждебное. Чтобы выжить, нужно было прежде всего победить «чужих». Чем враги многочисленнее и опаснее, тем сильнее мотивация оппозиции «свой-чужой». Деление на своих и чужих, друзей и врагов создавала ось активного противостояния, что обостряло соприкосновение народов, нарушало целостность и стабильность ближневосточного региона. Семантика слов, сопровождавшая конфликт, указывала на специфическое состояние общественного сознания сторон, она, как минимум, не позволяла снять напряжение, которое может быть в коммуникации. В этом конфликте язык сторон претерпел существенную трансформацию. Из так называемого щита (доспехов) он все больше превращался в своеобразный разящий меч, увеличивая потенциал противостояния. В результате арабо-израильский конфликт будет уместно охарактеризовать, прежде всего, как событие психолингвистическое, нашедшее свое воплощение в языке, в котором он и продолжает свое существование. И от этого менее закрученным лабиринтом противоречий он не становится.

Логика мифов, мифологизированного сознания, которая сопровождала конфликт сторон, требовала сплочения перед лицом этой «опасности». Механизмом защиты от него становилось наличие социальных мифов, с помощью которых человек «кодируется». Причем эффективность такой «закодированности» практически не зависит от того, насколько эти образы соответствуют действительности (это лишний раз подтверждает идею, что мы живем в мире внушаемых установок, весьма далеких от реальности). Все это чревато вторжением в жизнь человека ситуации ложного выбора (в том числе аналогичной картины мира), снятия с него ответственности за такой выбор.

Наиболее ярко арабо-израильский конфликт проявлялся в феномене неоднократно описанного «зеркального образа», когда противоборствующие стороны приписывали идентичные положительные черты себе, а идентичные пороки – соперникам. К тому же, как известно, народ, которым овладевает аффективный гнев, как правило, оказывается во власти собственного бессознательного, объект ненависти превращается для него в средоточие абсолютного зла. Ненавидящий становится одержим иллюзией, что если устранить ненавидимый народ (*в данном случае – еврейское государство*), то снимаются все препятствия на пути к развитию, прогрессу и благополучию. В этом контексте необходимо отметить то обстоятельство, что до тех пор, пока у противоборствующих сторон (или у одной из сторон) не исчезнут цели, которые для них важнее, чем мир, или достижению которых мир даже мешает, конфликт будет продолжаться бесконечно. В данном случае цели оказались важнее достижения мира.

Этот *многомерный узел взаимосвязанных противоречий* был решающей константой арабо-израильского конфликта, который с полным основанием можно рассматривать как время потерь, разрушившихся социальных связей и одновременно как процесс *проинтерпретированной* в определенном ключе истории. Без осознания его значения, без работы над ошибками прошлого (настоящего) мы не поймем главный вопрос: почему во второй половине XX века жизнь двух древних народов оказалась перенасыщена апокалиптическими мотивами и противоядия от них не нашлось? Поэтому феномен арабо-израильского конфликта состоит в том, что эта трагедия народов стала фактом объективной реальности, в рамках которой найти относительную общность взглядов было чрезвычайно сложно. Ситуацию усугубляло, как было сказано выше, наличие конфликтных полей, что приводило к тому, что мировоззрение, идеалы, ценности личности становились фрагментарными, бессистемными, а поведение целых народов в ситуации арабо-израильского противостояния становилось трудно прогнозируемым.

Необходимо отметить, что Кэмп-Дэвидский мирный договор 1979 года работает и по сей день, хотя теперь в нем и появились трещины, поскольку события на Ближнем Востоке, по странам которого прокатилась целая серия революций, далеких от своего завершения, замерли в полной непредсказуемости. Из этого следует, что «новый порядок», который сегодня складывается на волне хаоса, почти наверняка будет хуже, brutальнее и безрадостнее предыдущего. К тому же народ устал, в нем накопилось много отрицательной энергии, которая приглушает голос разума и совести. А тем временем *технология создания ложных образов* подчиняет и завоевывает себе все новые и новые умы, разъедая атмосферу любого внешнеполитического диалога, что неминуемо порождает разлад в международных отношениях.

В итоге так называемый мост, который был создан в результате внешнеполитического диалога между Израилем и Египтом, превратился в канатную дорогу над бездной. Тем не менее в основе договора лежал здравый компромисс, учитывающий не всегда совпадающие взгляды сторон, их разнонаправленность. Компромисс здесь надо понимать адекватно: это не согласие на все что угодно, а, прежде всего, возможность *равным договариваться с равными*. Как показала ис-

тория, это не проигрыш, а выигрыш сторон, участвующих в переговорном процессе. Кэмп-Дэвидский договор также показал, что еврейский народ и народ Египта могут жить в пределах самостоятельных независимых государств. При этом у них могут быть собственные интересы и потребности. Но вместе с тем у них есть та генетическая связь, которая заставляет думать друг о друге. Кэмп-Дэвидский договор продемонстрировал, что классическая дипломатия, основанная на балансе интересов и сил, не имеет альтернативы. Различного рода манипуляции со смыслами (образами) не создадут стабильной основы для устойчивых и стабильных отношений между Египтом и Израилем.

И все же крутой маршрут к договору не исключал взаимных споров и разногласий, остроты видения взаимных проблем. Представляется, что в сложившихся в конце 1970-х гг. условиях решения Кэмп-Дэвидского договора были единственно возможным спасительным компромиссом между Израилем и Египтом, претендовавшим на звание панарабского лидера. Как представляется, говорить однозначно о значении Кэмп-Дэвидского договора трудно, но, тем не менее, он внес свою определенную лепту в развитие внешнеполитических контактов между двумя странами.

Митчелл Б. отмечает, что «в 1978 г. в Кэмп-Дэвиде наступил момент, когда переговоры могли вот-вот сорваться из-за настойчивого требования египетского президента Анвара Садата демонтировать израильские поселения на Синайском полуострове. Бегин пригласил Шарона к себе и спросил у него, следует ли соглашаться на требование Садата. Шарон не только рекомендовал Бегину согласиться, но впоследствии именно он руководил перемещением переселенцев, в некоторых случаях даже с применением силы» [2. С. 352], убирая все израильские поселения из сектора Газа и еще ряд других с Западного берега реки Иордан. Данное обстоятельство говорит о том, что Шарон, который во время подписания Кэмп-Дэвидского договора всегда находился как бы в тени и не играл ключевой роли, на самом деле был одним из тех политиков, кто определял вектор внешнеполитического развития страны в осуществлении внешнеполитического партнерства с Египтом.

Это был тот самый редкий случай в истории дипломатии, когда подписание Кэмп-Дэвидского договора как некоего «*искусства видеть мир*» стало не только политическим выбором, но и своеобразной проверкой политиков на дальновидность (имеется в виду политическая дальновидность), их личной ответственностью за поддержание мира, тем самым доказав идею, что битва за мир должна происходить на ковре дипломатии, а не на поле брани. Этот исторический факт особенно важно отметить сегодня, когда стратегическая ситуация в мире стремительно меняется, а прежние договоренности между государствами, которые были призваны создавать благоприятные внешнеполитические условия для безопасного развития стран, оказались на грани кризиса. Ситуацию усугубляет и то, что «арабская весна», охватившая арабский мир, хотя и косвенно, но все же вызовет необратимые перемены в рамках ближневосточного региона. Вместе с тем «арабская весна», перевернувшая и взорвавшая регион, обнажила еще более глубокие пласты давних, казалось бы ушедших в прошлое противоречий, которые за истекшее время так и не разрешены. На наших глазах на пространстве Ближнего Востока не только рушится вся система баланса, существовавшая не одно десятилетие, но и рождается новая реальность. Она еще не осознана. Она является неизведанной и непонятной.

Безусловно, это предупреждение всем народам и государствам: чтобы идти дальше, не нужно брать в дорогу такие вредоносные вещи, как нетерпимость, подозрительность и враждебность, а нужно просто считаться друг с другом и стараться договариваться. И все же представляется, что диалог (не путать со стратегией соглашений) как таковой не способен свести воедино диаметрально проти-

воположные фундаментальные разногласия и, как следствие, не дает возможности сформулировать последовательную концепцию преодоления кризиса.

Конечно, всегда можно сказать, что результаты внешней политики в первую очередь зависят от множества факторов, стечения обстоятельств, коммуникаций, но только не от талантов политиков. Примеров можно привести сколько угодно, тем более что искусство политики оценивается тогда, когда перед ней ставятся задачи в пределах возможного. И здесь результаты у разных политиков могут быть совершенно различными, несмотря на равенство их возможностей.

В данном случае все наоборот, а сами политики не предпочитали «прятаться за спины» своих соотечественников, уходя от ответственности за принятие тех или иных решений. Опыт переговорного процесса Бегина и Садата, ставших самыми договороспособными главами своих государств, в 1978–1979 гг. убедительно продемонстрировал, что дипломатия может и должна менять мир. Поэтому всегда возможно четко определить вклад конкретного человека (в данном случае политических лидеров ближневосточного региона), особенно политика, в полученный, в конце концов, результат. Поэтому деятельность политиков и политику необходимо оценивать исключительно по результатам, а не по благим намерениям (которыми, как известно, вымощена дорога в ад), не по красоте и убедительности защиты той или иной идеи, хотя отрицать целиком роль этого критерия, конечно, нельзя.

Теперь нам совершенно ясно, что эти условия не предотвращали войну, они, в лучшем случае, стали остановкой между войной и миром. В далеком 1979 году трудно было предугадать, что судьба египетско-израильских отношений с течением времени станет менее *предсказуемой*, что на Синае снова будет готовиться поход против Израиля.

Таким образом, завершая рассмотрение проблемы управления международными конфликтами на примере Кэмп-Дэвидского мирного договора, хотелось бы подчеркнуть два момента. Во-первых, управление конфликтами не всегда способно дать ощутимый эффект в короткие сроки. И, во-вторых, при любых взглядах на место и роль управления конфликтами в формировании национальной безопасности во всем многообразии ее проявления, следует осознавать, что наряду с плюсами будут всегда и минусы. Чтобы эти минусы не перешли в разряд острых проблем, важно своевременно и адекватно оценивать влияние внешнеполитической конъюнктуры на решение текущих задач. В этом случае дипломатия должна быть включена в стратегию национального развития и национальной безопасности государств.

Литература

1. Гали Бутрос Бутрос. Путь Египта в Иерусалим : рассказ дипломата о борьбе за мир на Ближнем Востоке / предисл. А. Васильева; пер. с англ. К. Труевцева. – М. : Кн. дом газеты «Труд» : Классика плюс, 1999.
2. Бард М. Мифы и факты. Руководитель по арабо-израильскому конфликту / пер. с англ. А. Курицкого. – М. : Еврейское слово, 2007.
3. Брасс А. Палестинские истоки. – М. : ООО ИД «Русь»–«Олимп» : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.
4. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). – 2-е изд. – М. : Междунар. отношения, 2008.
5. Звягельская И. Д. История Государства Израиль. – М. : Аспект Пресс, 2012.
6. Корчемкин С. Е. Паблик рилейшнз и безопасность: механизмы управления // Феномен безопасности: от социальной психологии до макропсихологии : материалы III Международного симпозиума (12 апреля 2012 г.). – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2012.

7. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М. : ИИК «Российская газета», 2006.

8. Пырлин Е. Д. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.